

Доклад 13.

«Что замыслил Творец о России...»: русская элевация (к метафизике русской идеи)

Вячеслав Петрович Океанский

Доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и культурологии Ивановского государственного университета, заведующий кафедрой философии и религиоведения Шуйского государственного педагогического университета.

Жанна Леонидовна Океанская

Профессор кафедры иностранных языков и профессиональных коммуникаций ФГБОУ ВО «Ивановская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России», доктор культурологии, профессор.

Прошедшие и предстоящие юбилеи русских мыслителей открываются нам как созвездие смыслов в бурном море исторического и космического бытия. Русский мир в своем большом времени прошел последовательно через византийский и фаустовский гипертренды культурно-цивилизационного формирования, в совокупности раскрывающие экзистенциальную диалектику Божественного и человеческого, которая архетипически заложена в Никейской христологической догматике и более обширном риторико-классическом наследии Античности. Ныне осуществляется поворот на Восток, намечаются перспективы нового гипертренда, усиливаются возможности возвращения к позитивной архаике. Кроме того, изнутри каждого гипертренда действуют «кушитские» и «иранские» тенденции, стабилизирующие и восходящие, однако последние завершились всякий раз Голгофой русского мира: петровской и большевистской. Призванная быть Востоком Христа русская элевация дополняет традиционный отечественный интеллектуальный и эстетический платонизм особым экзистенциальным вектором русского гераклитианства, связанного с экстремальным метафизическим альпинизмом и мышлением символическими фигурами – это русский путь орфического восхождения сквозь архаику к Вечности.

В духовном мире не все именуется по-русски, но Россия занимает в нем одно из самых завидных мест. Всечеловеческий и вселенский смысл ее далек в этих сферах от реализации утопической формулы «без России, без Латвий, а единым человеческим общежитием» – при всей своей глубинной и апофатической открытости Иному «Россия Вечная» [1] в них остается навсегда, пребывая всегда и произрастая из неисследимой глубины Божественной Плеромы. Об этом же писал и Бердяев в «Русской идее»: «Меня будет интересовать не столько вопрос о том, чем эм-

«Что замыслил Творец о России...»: русская элевация

пирически была Россия, сколько вопрос о том, что замыслил Творец о России, умопостигаемый образ русского народа, его идея» [2, с. 43].

В свете последнего по-новому звучит традиционное вопрошание «Куда ж нам плыть?..»: эксплуатация пушкинской фразы от Стругацких до Акунина не измельчает исходного вопроса, но позволяет сохранить всю глубину заключительного авторского торможения в отрывке «Осень», побуждая оставить эту фразу в кавычках... После, однако, открывается большее, нежели то, что тогда только при-открывалось – ведь вопрос звучит риторически, и необходимо оставаться на месте, совершая метафизическую остановку, причем примерно так, как это сделал М. Хайдеггер, объясняя в небольшом эссе, «почему мы остаемся в провинции» [3, с. 218–221].

Преемственность поколений и юбилеи (прошедшие и предстоящие) русских мыслителей, в число которых мы охотно и давно уже, вслед за авторами энциклопедического словаря «Русская философия» [4], как и учебника по древнерусской философии [5], включаем крупных отечественных поэтов и писателей Нового времени, отнюдь не только древних – открываются нам как созвездие смыслов в бурном море исторического и космического бытия.

Отец Сергей Булгаков в парижской речи «Благодатные заветы преподобного Сергия русскому богословствованию» 1926 года, фактически благословляющей предстоящее большое трудничество российских изгнанников на метафизическом корабле, а именно – работу Свято-Сергиевского богословского института в Париже, отметит, что отечественная культура мысли и слова возникает и существует под «созвездием преподобного Сергия»: «на небе умном... над нашими головами горит и сияет его созвездие» [6, с. 87].

Обращаясь сегодня к русской религиозной философии, которая была по существу герменевтикой отечественной словесности, мы не должны обойти вниманием сам факт указываемых юбилеев крупных отечественных мыслителей, к великому сожалению остающихся почти не замеченными в бурлящем инновациями современном образовательном пространстве... Вот конкретика этой удручающей, но все еще не безнадежной картины: в 2020 г. исполнилось Е. А. Баратынскому (который, по словам Пушкина, «у нас оригинален, ибо мыслит») – 220 лет, А. А. Фету, которому мы обязаны первым Шопенгауэром на русском языке – 200 лет, Андрею Белому – 160 лет, А. А. Блоку – 140 лет; в 2021 г. К. Н. Леонтьеву – 200 лет, отцу Сергию Булгакову – 150 лет, В. Н. Ильину – 130 лет, И. Л. Солоневичу – 130 лет; в 2022 г. Г. С. Сковороде – 300 лет, Н. Я. Данилевскому – 200 лет, смерти Гоголя как куль-

турному событию – 170 лет, В. Ф. Эрну – 140 лет, отцу Павлу Флоренскому – 140 лет, А. А. Зиновьеву – 100 лет, А. А. Тарковскому, о метафизическом масштабе которого свидетельствует не только искусство кино, но и его «Мартиролог» – 90 лет; в 2023 г. Ф. И. Тютчеву – 220 лет, В. С. Соловьеву – 170 лет, А. Л. Вольнскому – 160 лет, И. А. Ильину – 140 лет, А. Ф. Лосеву – 130 лет, отцу Георгию Флоровскому – 130 лет, В. Н. Лосскому – 120 лет, А. Н. Островскому, который был метафизиком в драматургии и драматургом в метафизике – 100 лет; в 2024 г. П. Я. Чаадаеву, заложившему начало русского интеллектуального «сумасшествия» как «философского пробуждения» – 230 лет, русскому орфику и гераклитианцу А. С. Хомякову – 220 лет, философствующему в стихах и прозе звездочету М. Ю. Лермонтову – 210 лет, «долго всматривающемуся в Бездну» Н. А. Бердяеву – 150 лет, Ф. А. Степуну – 140 лет; в 2025 г. программной книге «русского Ницше» К. Н. Леонтьева «Византизм и славянство» – 150 лет, М. М. Бахтину – 130 лет (и 50 лет пройдет после его кончины); в 2026 г. «русскому Фрейдю» В. В. Розанову – 170 лет, Льву Шестову – 160 лет, «Великолепному» (по устойчивой характеристике последнего) сверхфилологу Вяч. Иванову, автору самого словосочетания «русская идея» – также 160 лет, ученому следопыту русской меоничности В. П. Ракову – 90 лет; в 2027 г. «русскому Данте» святителю Игнатию Брянчанинову – 220 лет (а 160 лет исполнится после его кончины), К. Д. Бальмонт – 160 лет; в 2028 г. Л. Н. Толстому – 200 лет; в 2029 г. А. С. Пушкину – 230 лет.

Разумеется, этот перечень не может быть полон – но что-то самое существенное, думается, удастся все же показывать здесь. Приходится напоминать о непреходящем значении отечественной логоцентрической культуры, все еще недостаточно востребованной в бурном процессе образовательных трансформаций и его ускоренных стандартизаций. Одна из них вроде бы на очереди и сегодня. Но любая стандартизация образования (пусть и с самыми благородными, и даже сотериологическими мотивами) посредственность сделает еще посредственнее, а для творческого духа это лишь (не стоит впадать в отчаянные депрессии!) сподручный материал (не более) в алхимической лаборатории космического дизайна... Его упругость – совершенно прикладной и, вообще говоря, творческий вопрос. Иными словами, что-то надо с этим делать, и кому – если не нам?

Содержательный контент образования все еще крайне недостаточно обращен к такой вершинной сфере мышления, как религиозная философия, и означенные выше юбилеи могли бы, конечно, способствовать преодолению этого очевидного упущения, а преемственность поко-

лений осуществлялась бы в преодолении роковой разрывности, горестной, но, может быть, все еще не безнадежной, если мыслить в том «большом времени», которое мы постигаем как «историсофию русского пути»...

Многозначительны ссылки В. В. Путина на мысли русских религиозных философов, труды которых принадлежат классике отечественного консерватизма: в 2012 году в речи перед Федеральным собранием президент обращался к творчеству Л. Н. Гумилева, называвшего себя «последним евразийцем» – к его главной теории «пассионарности»; в 2013 году цитировал «Философию неравенства» Н. А. Бердяева: «Смысл консерватизма не в том, что он препятствует движению вперед и вверх, а в том, что он препятствует движению назад и вниз, к хаотической тьме, возврату к состоянию, предшествующему образованию»; в том же году в итоговой пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай» президент обратился к главному образу философии К. Н. Леонтьева, принципиально противопоставив его советскому классику – В. И. Ленину указанием на то, что для России органичен образ отнюдь не «тюрьмы народов», а «цветущей сложности»; в 2014 году в Послании к Федеральному собранию Путин процитировал сборник статей И. А. Ильина «Наши задачи»: «Кто любит Россию, тот должен желать для нее свободы; прежде всего, свободы для самой России, ее международной независимости и самостоятельности; свободы для России как единства русской и всех других национальных культур; и, наконец, свободы для русских людей, свободы для всех нас: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности»; на исходе же 2016 года в речи Федеральному собранию глава государства привел впечатляющий фрагмент написанного в годы Великой Отечественной войны эссе «Жизнь» А. Ф. Лосева: «Мы знаем весь тернистый путь нашей страны, мы знаем томительные годы борьбы, недостатка, страданий, но для сына своей родины – это все свое, неотъемлемое, родное». Совсем недавно, осенью 2022 года, Путин вновь актуализировал наследие Ивана Ильина в своем обращении к животрепещущей теме Донбасса, а в последующем выступлении на Валдайском форуме напомнил нам проникновенные мысли Н. Я. Данилевского и Ф. М. Достоевского...

К столетнему юбилею Гете (а в текущем году исполняется 190 лет со дня его кончины), крупнейший испанский философ XX века Хосе Ортега-и-Гассет, со дня рождения которого в следующем году будет 140 лет, отмечал: «Есть только один способ спасти классика: самым решительным образом используя его для нашего собственного спасения, иными словами не обращая внимания на то, что он – классик, при-

влечь его к нам, осовременить, напоить кровью наших вен, насыщенной *нашими* страстями... и проблемами. Вместо того чтобы торжественно отмечать столетнюю годовщину, мы должны попытаться воскресить классика, снова ввергнув его в существование» [7, с. 461].

Но что есть наше *существование* в его смысловой глубине, как не проживание заданного в культурно-исторической судьбе? В истории России было два определяющих цивилизационных гипертренда – византийский («древлеправославный») и западный («фаустовский»), долгое время воспринимавшиеся у нас по модели внутреннего конфликта «отеческого» и «сыновнего», «старого» и «нового», чему найдется множество подтверждений в отечественной религиозной философии, художественной словесности, журнальной публицистике: так, например, согласно первому природа – храм, а согласно второму – мастерская, на чем настаивает главный герой-нигилист из знаменитого тургеневского романа...

Вероятнее всего, мы сегодня стоим у истоков новейшего гипертренда, который можно было бы назвать восточным. С этим связаны и более широкие макроцивилизационные перспективы, обусловленные поворотом на Восток. Он оказывается подлинно возможным лишь как преодоление западного гипертренда, то есть в существенной мере – внутри последнего. Подчеркнем, что этот поворот на Восток – не просто путь России, но он открывается и как планетарная макроцивилизационная перспектива, своего рода – иноглобализм... Однако же именно России, по всем раскладам, здесь предстоит сыграть какую-то решающую роль. Глобальный вектор культурно-цивилизационного движения русского мира, связанный с процессом постепенного расширения и оформления его гигантского пространства, всегда был направлен с Запада на Восток, то есть диаметрально противоположен историческому вектору складывания самой западной цивилизации.

Итак, мы можем сказать, что русский мир в своем большом времени уже прошел последовательно через византийский и фаустовский гипертренды культурно-цивилизационного формирования, в совокупности раскрывающие экзистенциальную диалектику Божественного и человеческого, которая архетипически заложена в Никейской христологической догматике и более обширном риторико-классическом наследии Античности, уходящем своими криптокорнями в символическое миропонимание и дориторические мифоосновы [8, с. 72–77]. Ныне осуществляется, повторим это, поворот на Восток, который, конечно же, не мог произойти за несколько весенних вечеров – давно уже намечаются перспективы нового гипертренда, усиливаются возможности возвраще-

ния к позитивной архаике, в чем состоит, вообще говоря, особенность культурологически верифицируемой современности.

Кроме того, изнутри каждого гипертренда всегда действовали и действуют «кушитские» и «иранские» тенденции, стабилизирующие и восходящие, однако последние завершались всякий раз Голгофой русского мира: петровской и большевистской. Призванная быть Востоком Христа, русская элевация дополняет традиционный отечественный интеллектуальный и эстетический платонизм особым экзистенциальным вектором русского гераклитианства, связанного с экстремальным метафизическим альпинизмом и мышлением символическими фигурами – это русский путь орфического восхождения сквозь архаику к Вечности.

Интересно, что гипертренды: византийский, фаустовский, восточный – в их эпохально-исторической рядоположенности отнюдь не являются качественно и морфологически равноценными. Первые два маркируют рационалистическое единство классики и риторики как долгий тип культурно-исторического сознания и его известный романтический кризис с чаемым «поворотом на Восток» – последний развертывает сознание к дориторическому мифу, и это глубочайший поворот, еще более парадигмальный и метафизичный, чем тот, что случился в петровское Новое время.

Распространено суждение, что русская религиозная философия есть христианский платонизм конца Нового времени, спровоцированный западной, прежде всего – германской, мистикой и романтизмом. По-видимому, так полагал и такой авторитетный историк отечественной интеллектуальной культуры, как отец Георгий Флоровский, укоренявший там и софиологическую метафизику («Пути русского богословия»). Нисколько не отрицая фактичности этих влияний и не отказываясь от доминантной платонической автогерменевтики отечественной религиозной философии последних двух столетий, вполне органичной и Хомякову, мы обращаем пристальное внимание на то, что, не вступая в конфликт с платонизмом, она не вписывается только в него и уходит своими криптокорнями в досократовскую раннюю античность и прежде всего – к малоазийцу Гераклиту Эфесскому.

Причем, что еще удивительнее, наряду с наиболее выраженным платонизмом русской философии, идущим от И. В. Киреевского и В. С. Соловьева к своеобразному софиологическому триумфу, а отнюдь не срыву (как полагают критики «софианства») – можно говорить и о русском гераклитианстве, философическом по форме и дофилософском по своей содержательно-мистической интенции: назовем

здесь Ф. И. Тютчева, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева, В. Ф. Эрн, отца Павла Флоренского, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, С. Л. Франка... У более позднего наследника этой традиции А. Ф. Лосева можно обнаружить опыт потенциального мифодialeктического, и по сути – неоплатонического, синтеза недоразведенных самой античностью линий платонизма и гераклитизма. Гераклит же соединяет Миф и Логос, а не противопоставляет их – но как раз это характерологическая черта всей русской религиозной философии, весьма близкой в этом отношении романтическим традициям, их наследующим Ницше, Шпенглеру, Генону, Бергсону, Ортеге, Хайдеггеру, по-своему существенно обращенным также к Гераклиту и его «конкретной метафизике»...

Однако самым впечатляющим оказывается принадлежность этого русского гераклитизма как дополнения к русскому платонизму – исконным протофилософским традициям орфизма: подобно тому, как обращенный к небесной аполлинической гармонии античный мученик Орфей реформирует древнейшие мистерии Диониса, так и русская религиозная философия несет в себе колоссальный потенциал мистической народности, которая, разумеется, заключается для нее, говоря словами Гоголя, «не в зипуне» (и скорее уж в надеждинской защите «безбородых шеллингов»), но в одухотворенном и преображенном бытии человечества и Вселенной, в исходном чаянии последнего... Логос России – не только кенотичен, но и эксцентричен.

С последним обстоятельством будут связаны следующие проявления.

1. Русская идея – наше исключительное и предельное самопознание: вместе с Ибн аль Фарилом и Ницше русский философ – «пел сам себе» и «писал для самого себя». Можно сказать и словами Баратынского, что философы (не только, разумеется, русские) это те, кто говорят о Всеобъемлющем и Общем, имея «лица необщее выраженье», осуществляя таким образом ипостазирование Вселенной. Хомяков же определял саму идею соборности как «единство во множестве» – развитие эта мысль получила в последующей отечественной гносеологии онтологически фундированного соборного разума (Н. Я. Данилевский, Е. Н. Трубецкой).

2. Русская идея – это идея Бога, она принадлежит Богу и открывается только как идеация (П. А. Сорокин), в обратной, иконической перспективе (отец Павел Флоренский); но, будучи идеей Бога, она укоренена в апофатике и непостижима, в этом смысле, используя ассоциации из дальневосточной традиции, она – отражение пустоты объемлющего. С другой стороны, русские философы очень хорошо производят

свое оружие, а кроме того, русский философ выступает на исторической сцене как культурный герой.

3. Ю. В. Мамлеев в «России вечной» говорил о том, что существует неисчислимо множество России в неисчерпаемом инобытии вселенских проявлений – с этим стоит согласиться. Но прежде всего русская идея – софийна и укоренена в божественной плероме как предвечном замысле Творца.

4. Русская идея, подобно русской песне, согласно К. С. Аксакову, никогда не исчезает, но иногда удаляется, и где-то поется, вечно поется... В ней сокрыта универсальная способность постоянного познания идеального в материальном, его постоянных ускользаний и новых обнаружений...

5. Носители русской идеи – софийные лики сакральной России, слагающие ее симфоническую субъектность: святые, юродивые, ученые, простецы, поэты, мыслители, писатели, художники, изобретатели, музыканты, многочисленные устроители и хранители ее непреходящих смыслов. Сонм святых, прославленных и непрославленных, «несвятых святых», людей великих и малоизвестных миру – представляет собою софийный покров отечественной культуры, а вместе с тем и тот ее подлинный «золотой фонд», постижение которого обнаруживает и определенную образовательную задачу, в правильной формулировке и стратегическом решении которой видится будущее России, все еще находящейся на пороге мучительного собирания себя в дебрях мирового леса и джунглях планетарной цивилизации.

6. Вера, земля, язык, государство – не истоки, а проявления русской идеи. В очень глубоком, предельно символическом смысле русская идея приоткрывает всеобщий способ развития сущего, обнажая во вселенских вихрях складки родины...

7. Роль Церкви в ее истинном, хомяковском, понимании: как «единства Божьей благодати» – абсолютна в формировании, воплощении и сохранении русской идеи, а в слове «соборность» заключается целостный символ веры, можно сказать, иероглиф Православия, акцентированный в Новое время на русской земле.

8. Метафизической почвой русской философии является не бездна материи (аналог индуистской пракрити), но эйдологическая сфера (в небо уходят корни философии вообще, подобно корням деревьев на древнеиндийских орнаментах), однако церковная христология дает немалую фору мистическому материализму, имеющему свою весомость и в русской идее. Стоит указать на исходную космологическую специфику отечественной науки (и гуманитарной, и естествознания),

столь мощно проявленную уже в гении М. В. Ломоносова – это позволяет узреть в русской идее восходящую конституцию сущего, Богозамысленную антропокосмичность бытия.

9. Русская идея в поисках высшей справедливости и противостоянии узкоюридическим отношениям между людьми поднимается к святоотеческому открытию превосходства милости над справедливостью (преп. Исаак Сирий) и благодати над законом (свт. Иларион, митрополит Киевский). Русская идея чужда всякому насильственному соединению, а потому изнутри ее никогда не иссякает ожидание любви.

10. Русская идея сообщает смысл самому существованию России, каждого отдельного человека в России, существованию государства российского, светит соседям России и всему миру. Отдельный и абстрактно неразрешимый вопрос: есть ли она – общедоступный способ всечеловеческого развития? Здесь скорее бы можно было предположить, что отнюдь не ОБЩЕ-доступный, но однозначно ВСЕ-доступный, откуда никак не следует, что, говоря словами И. Л. Солоневича, к нашим ногам должны понести всю колбасу и все пиво мира – это фактура чуждой нам истории...

11. Главная опасность – в шаблонизации (!) русской идеи. Подобно тому, как античная метафизика исторически выродилась в западный Постав, десакрализирующий, обезличивающий и обналичивающий Сущее, превращенное, согласно Хайдеггеру, «в кладовую энергии» и/или «гигантскую бензоколонку»; схожая опасность угрожает русской идее, если она отбросит свои энигматические основания и встанет на путь автомоделирования и разрастающихся схематизаций – русская идея требует возврата к непостижимой простоте, но не той, где меньше букв.

12. Если же потребовалось бы привести кратчайшие онтологические доводы по русской идее – то их можно обозначить последовательно как (1) теологический, (2) топологический, (3) меонический, (4) симфонический и (5) антропологический: первый обращен к идеациональности и иконичности – согласно такому пониманию, русская идея – идея Бога, не просто теза о Боге, но принадлежит самому Богу и как таковая замыслена им; второй обусловлен богоданным простором, пространственной ориентированностью русского логоса в распластную ширь и, говоря языком бальмонтской поэзии, «раздвинутую даль», формирующих пространность русской души, ее диагностическую недооформленность; третий, вытекающий из прежнего, связан с близостью сверхбытийственной докосмической Бездны и ее провальных угрожающих зыбей, что часто интерпретировалось как русский

дионисизм; четвертый, напротив, указывает на верховный космизм, соборность и софийность, что в противовес предшествующему можно определить как русский артистический аполлинизм, при этом не замыкаясь в античном мифологическом символизме, но осуществляя аналогическое движение к патристическому тринитаризму; пятый отворяет особый тип одухотворенной персонологии как идеальную перспективу трансцендентной элевации человека, позволяющей говорить в раннеантичных символических аналогиях о русском орфизме как тонально-характерологическом качестве отечественной христологии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Мамлеев, Ю. В. Россия Вечная. – М.: «Традиция», 2020.
2. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре: Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М.: «Наука», 1990.
3. Хайдеггер, М. Творческий ландшафт: почему мы остаемся в провинции? // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: «Гнозис», 1993.
4. Русская философия: Словарь / Под общ. ред. М. А. Маслина. – М.: «Республика», 1995.
5. Громов, М. Н. Русская философская мысль X–XVII веков / М. Н. Громов, Н. С. Козлов. – М.: МГУ, 1990.
6. Булгаков, протоиерей Сергей. Путь Парижского богословия. – М.: Храм святой мученицы Татианы при МГУ им. М. В. Ломоносова, 2007.
7. Ортега-и-Гассет, Х. В поисках Гете // Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры. – М.: «Искусство», 1991.
8. Океанский, В. П. «Глубочайшая метафизика»: духовные доминанты отечественной философской мысли // Русская философия в России и мире: коллективная монография / В. П. Океанский, Ж. Л. Океанская. – М.: Объединенное Движение «Русская философия», 2019.